

ДЕТЕКТИВ – СОБЫТИЕ

Диана Бош

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ

Диана Бош

Разносчик пиццы

«ЭКСМО»

2010

Бош Д. Б.

Разносчик пиццы / Д. Б. Бош — «Эксмо», 2010

Артур не разделял любовь жены Лидии к вечеринкам, но вынужден был терпеть. Вот и в этот вечер у них собралась компания. Встреча не предвещала ничего хорошего, ведь некоторые из гостей не выносили друг друга. Когда внезапно погас свет, Лидия исчезла... Остап принес пиццу, заказанную Артуром, и ужаснулся тому, что произошло в доме. Он оказался там не случайно, но пока не мог понять, связаны ли эти пугающие события с тайной, которую поведала ему тетка... Аманда верила в легенду о Хозяине Кладбища – Бароне Субботе, приходящем за человеком в его смертный час. Другие гости Артура отнеслись к ее рассказу скептически, несмотря на то, что с двумя людьми в доме уже случилось несчастье... Чтобы все получилось так, как хочется, не всегда нужен хитроумный план. Иногда достаточно простого стечения обстоятельств...

© Бош Д. Б., 2010

© Эксмо, 2010

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	26
Глава 6	30
Глава 7	33
Глава 8	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Диана Бош

Разносчик пиццы

Красная крыша старинного особняка издали бросалась в глаза. Не то чтобы она совсем уж не гармонировала с мрачноватым стилем архитектуры, но ее еще не затертая ветрами новизна вступала в резкий контраст с подчеркнутой старомодностью стен.

Небольшой сад огибал дом и убегал извилистыми дорожками в лес, а деревья росли так близко, что, когда наступала ночь, казалось, они заглядывают в окна и стучат в них корявыми пальцами.

Редкий прохожий решался нарушить покой странного дома. Может быть, виной тому были наглухо задернутые шторы, а может, какая другая причина, но и сами хозяева за годы, проведенные в особняке, так и не смогли привыкнуть к тоскливому холоду, веявшему от его стен.

Глава 1

Дождь разразился внезапно, и в гостиной сразу сильно потемнело. Артур, чиркнув спичкой, зажег огонь и поправил тяжелую бархатную скатерть.

– Лидия! В комнате слишком темно, неси свечи!

Он откинул крышку старинного черного рояля, тронул верхнее ля, пробежал арпеджио по клавишам. Диссонансный аккорд слился с трелью входного звонка.

– Лидия, не надо свечей! Уже, кажется, дали свет.

Филипп, друг Артура и партнер по совместному бизнесу, вошел в прихожую, отфыркиваясь и сдувая с носа капли дождя.

– Чего сидите в темноте? Вся улица ярко освещена, только вы сумерничаете.

Он эффектным жестом выдернул из кармана платок, встряхнул его и аккуратно промокнул лицо.

– Так электричества часов с трех не было во всем районе, авария, должно быть. У тебя что-то случилось? – спросил хозяин.

– Не умеешь ты, Артуша, гостей принимать. Сначала накорми, напои, а потом вопросы спрашивай.

Он снял с плеча невидимую пылинку, придирчиво осмотрел себя в зеркале, и красивое породистое лицо его тут же приняло выражение высокомерия и скуки. Не ожидая приглашения, Филипп прошел в гостиную и с размаху плюхнулся в кресло у камина. Впрочем, приглашения ему и не требовалось. Он был настолько частым гостем в доме, что к нему относились почти как к члену семьи.

– Нет, это же черт знает что за погода! – посетовал Филипп. – Решил прогуляться, по тропинкам Лосинового острова пройтись. Машину специально не стал брать. И ведь было же тепло! Я и оделся почти по-летнему. Главное, успел уже прилично от дома отойти, когда вдруг случился этот безумный дождь. Холодный какой-то, промозглый. Если вообще можно к дождю такой эпитет применить. Но я бы применил. Еще и ветер остервенелый, с ног сбивает. Не хватает только заболеть. Вот, горло уже болит.

Он кашлянул и болезненно поморщился. Артур, зная мнительность друга и его трепетное отношение к своему здоровью, улыбнулся.

– Ничего страшного, сейчас зажгу камин, быстро обсохнешь. Могу даже предложить чашку горячего чая и уютный халат, будешь чувствовать себя как дома.

– Вот это лишнее. У вас тут проходной двор. Это без обид, просто в плане констатации факта: Лидия любит гостей. Наверное, и сегодня, как пить дать, толпу созвала.

– Не преувеличивай.

– Ерунда, ты знаешь, что я прав. Кстати, где она? И Валерии нет. Она дома?

– Жаждешь реванша?

– Не то чтоб очень...

Филипп старательно изобразил скуку, за которой скрывался болезненный интерес. Давний и привычный настолько, что уже не замечался им самим.

– Ну и зачем тогда она тебе? – Артур зажег длинную спичку и направил в дымоход, чтобы прогреть его, перед тем как зажечь камин. – И вообще, что вы с ней не поделили?

– Не люблю ханжей. Вот просто не люблю, и все. Даже не спрашивай, почему.

– Резкая оценка. Возможно, Валерия ее все-таки не заслужила.

Филипп вскочил и нервно забегал по комнате.

– Может быть. А может, и нет! И вообще, я имею право на собственное мнение?!!

– Имеешь, имеешь. Чего возбудился-то? – примирительно сказал Артур. – Но все равно я не понимаю, за что ты так не любишь мою свояченицу.

Филипп затормозил у каминной полки, побарабанил по ней пальцами и вдруг, склонившись, принялся.

– Странный какой-то запах, не находишь? – буркнул он. – Будто духами пахнет.

– У тебя просто дурное настроение, вот все и раздражает.

Не обращая внимания на его реплику, Филипп нагнулся еще ниже, шумно втянул носом воздух, как поисковая собака, берущая след, и торжествующе воскликнул:

– Вот, от коробки с сигарами дух идет! Ты слышишь, что я тебе говорю? От твоих сигар разит...

– ...духами Валерии, – ехидно подсказал Артур.

– Кстати, да. А что, ты тоже почувствовал?

– Нет. Думаю, ты по ней скучаешь, потому что поспорить и поупражняться в остроумии не с кем. Вот тебе и мерещится.

– Глупости. Я хотел как лучше, но делать нечего – курите свою гадость. Сигары не должны вонять женским парфюмом, это противоестественно!

Филипп уселся в кресло, вальяжно развалился в нем и подвинул ноги к разгоровшемуся камину.

Артур пожал плечами.

– Если ты бросил курить, это еще не значит, что и всем остальным табак должен опротиветь.

– Да ради бога! – фыркнул Филипп. – Мне-то что!

Ветер взвыл в каминной трубе, подняв сноп искр, и дрова весело затрещали. Дверь стремительно распахнулась, и в гостиной появилась Лидия.

– Дорого-о-ой, – нараспев протянула она, – звонили Аманда с Максом, они приедут сыграть с нами партию в бри-и-идж. Ты не возражаешь?

– «Блистательна, полувоздушна, смычку волшебному послушна, толпою нимф окружена...» – продекламировал гость.

– Ах, простите, Филипп, я вас не заметила, – Лидия звонко рассмеялась. – Составите нам компанию?

– Знаете ли, я не люблю бридж. Разве что так, понаблюдать... – Он соорудил презрительную гримасу.

– А я люблю. Элегантный азарт и легкая гимнастика для ума.

– Вот потому и не люблю. По мне, так лучше что-нибудь помощнее. Шахматы, например. Кстати, Артур, зря я с тобой пари не заключил, сейчас был бы уже обладателем бутылки шампанского.

– Я с тобой спорить бы не стал. И потом, два-три человека – еще не толпа.

– О чем идет речь? – Лидия постаралась задать вопрос беспечно, но в глазах ее отчего-то промелькнула тревога.

– Ничего особенного. Просто Филипп заявил, что у нас сегодня вечером будут гости.

– Ах, это... – Она рассеянно взглянула на маленькие наручные часы и беспечно махнула рукой: – Ну и ладно. Пойду на кухню, посмотрю, чем можно гостей накормить. Кухарку-то я уже отпустила. Отпросилась к давней подруге с ночевкой.

И она, уходя, рассмеялась, а Филипп задумчиво посмотрел ей вслед.

– Что это с ней? Она как-то странно оживлена, не находишь?

– Глупости, Лидия всегда такая. Я даже и не помню, было ли когда-нибудь иначе.

– На кухню, говорит... неужели она научилась готовить? – Филипп скептически усмехнулся.

В этот момент где-то рядом с окном залаяла, подвывая, собака. Ее тоскливый вой подхватили окрестные псы, и он покатил эхом к лесу, устроив настоящую какофонию звуков, способную ввергнуть в уныние человека с нежной и трепетной душой. Но совсем другое дело

Филипп. На него это предзнаменование несчастья не произвело ни малейшего впечатления. Напротив, он оживился и, вскочив, подбежал к окну.

– Никак вы наконец собаку завели? Вот это дело, давно пора. Какой она породы?

Он вытянул шею, пытаясь разглядеть воющего пса, но, кроме серых веток, в чернильной мгле ничего не увидел. Тогда он дернул за ручку раму и попытался ее открыть.

– Не надо! – предупреждая крикнул Артур. – А то пепел из камина по всей комнате полетит.

Филипп разочарованно опустил руку.

– Жаль, не видно. Так какой породы, говоришь? Взрослую уже взяли, решили не заморачиваться со щенком?

– Да нет никакой собаки. Ты же знаешь, Лидия терпеть не может животных в доме.

– Что, совсем никаких? – Филипп вытаращил глаза. – Ну и зря. Не устану это повторять. Ваш дом на отшибе стоит, и лес рядом, – лакомый кусок для маргиналов. А с собакой было бы гораздо спокойней.

Артур устало покачал головой:

– Бесполезно, я даже разговоров на эту тему не завожу. Она злиться начинает.

Оба замолчали, прислушиваясь к собачьему вою, несущемуся со всех сторон.

– Что-то они сегодня не на шутку разошлись.

– Да, странно.

– А вот скажи-ка, – вдруг без всякого перехода начал Филипп, – нравится ли тебе тихая семейная жизнь? Каждый день одно и то же, одно и то же. Скукота.

– Не замечал.

– Значит, ты особенный, мне вот совместная жизнь быстро надоедает. Потому я и не женат. Хотя, не скрою, две попытки окольцеваться были: первый раз бросили меня, второй раз ушел я сам.

– Уж чем-чем, а скукой наш брак не отмечен. И потом, не сочти за занудство, но каждому свое. Кому и уксус сладкий, а кому и халва горькая.

– Могу поспорить.

Возможно, Филиппу вполне удалось бы переспорить Артура, но сделать это он не успел. На пороге гостиной возникла Лидия под руку с тоненькой хрупкой девушкой.

– А вот и мы! Знакомьтесь, это – Эка.

– Что, вот так прям – Эка? Как собака?

– Филипп! Не смейте задирать моих гостей! – Лидия грозно сдвинула брови и погрозила ему пальчиком.

Девушка же, похоже, ничуть не смутилась. Она встряхнула черными густыми кудряшками и засмеялась, обнажив ровные белые зубы:

– Что вы, я не обижаюсь. Даже забавно.

– Хм, забавно ей, – фыркнул Филипп. – А полное имя-то какое? Мама с папой как нарекли?

– Эрикой. Но все-таки лучше – Эка. Мне так комфортнее.

Филипп наклонился и, ухватив стул за ножку, с грохотом проволок его по паркету, придвигая к себе.

– Садитесь, Эка, поближе. Будете исповедоваться.

Она растерянно моргнула и не стронулась с места.

– Не обращайтесь внимания, – подбадривающе улыбнулся ей Артур. – Филипп иногда бывает страшным занудой. Но в целом он весьма обаятельный человек.

Эрика опять рассмеялась и так мило смутилась, что стала похожа на ребенка. А может быть, этому способствовал ее не слишком высокий рост и свежий цвет лица. В глазах – боль-

ших, шоколадно-темных, замешательство вдруг сменилось озарением. Она всплеснула руками, и браслеты на ее тонких запястьях сухо щелкнули.

– Ох, я и растяпа! Лидия, я же тебе подарок принесла! А уже и забыла.

Она быстро расстегнула сумку и достала оттуда небольшую плоскую коробочку, перевязанную атласной лентой.

– Вот, держи.

– Ах, какая прелесть! И что внутри? – Лида нервно и торопливо развязала бант, открыла коробку и восторженно ахнула. – О, какая красота!

Филипп старательно вытянул шею, но Лидия ехидно ухмыльнулась и демонстративно повернулась к нему спиной, заслоняя собой картину. Тогда он встал и не менее демонстративно заглянул ей через плечо.

– Солнце, небо и кроваво-красные маки, – саркастически прокомментировал он. – Тривиальная бесхитрость.

– Море цветов на горной поляне, роковая страсть, скрывающаяся за безмятежностью... Это восхитительно, великолепно! Но откуда ты узнала, что я люблю маки, Эрика? – Губы Лидии источали патоку, синие глаза светились от счастья. Казалось, эта картина – то, о чем Лидия не могла и мечтать.

Филипп, уже почти дошедший до своего кресла, повернулся и с удивлением посмотрел на Лидию. Маки – единственные цветы, которые она не выносит. Он хорошо это знал.

– Признаться, я и сама их люблю, – смущенно улыбнулась Эрика. – Наверное, это говорит о сходстве наших натур?

– Картина как картина, – фыркнул Филипп, – ничего особенного. Не шедевр.

Эрика порозовела:

– Эту картину написала я. Воспоминание о лучших днях в моей жизни, времени, когда я по-настоящему была счастлива. Я хотела, чтоб вы это поняли. Наверное, мне это не удалось.

Она пожала плечами и грустно засмеялась. Филипп собирался что-то добавить, но Артур бросил на него такой испепеляющий взгляд, что он поперхнулся.

– Простите, Эрика. Картина и в самом деле хороша, просто я...

Он замялся, подбирая слова.

– На самом деле он хотел сделать гадость мне, – засмеялась Лидия. – Ты, Эрика, здесь совершенно ни при чем.

Филипп внимательно посмотрел на нее, потом повернулся к Эрике и кивнул:

– Ну, где-то так. Простите. Вышло по-дурачки.

Он сел в свое кресло у камина и затих, пытаясь разобраться в собственных мыслях. В самом деле, последнее время Лидия изрядно раздражала его. Он постоянно ловил себя на мысли, что ему хочется сказать ей колкость, и хотя чаще он все-таки сдерживался, иногда его прорывало.

«Нехорошие желания, согласен, – думал он, – когда-нибудь это должно было произойти: досадный ляп, как сегодня. Обидел ни за что ни про что хорошего человека».

Он бросил быстрый взгляд в сторону Эки. Миниатюрна и мила. Массивные браслеты на тонких запястьях и экзотический наряд, напоминающий, что уже наступило лето, а значит, и пора отпусков. Бледное одухотворенное лицо с тонкими чертами и непослушная копна темных волос.

– Чем занимаетесь, Эрика? – спросил он нарочито небрежно.

Она тихо засмеялась:

– Дрессирую собак.

– Правда, что ли?!!

– Шучу.

– Оригинально. И что делаете на самом деле?

– Эка работает со мной в театре, – вмешалась Лидия.

– О, так вы служитель Мельпомены! Что ж вы сразу не сказали, к актрисам у меня отношение особое, им я прощаю все.

– Я костюмер. Это гораздо прозаичнее, так что придется мне довольствоваться вашим обычным отношением.

В этот момент в гостиную стремительно вошла высокая стройная женщина, затянутая в черный шелк. Она кинула мимолетный взгляд на Филиппа, поглощенного беседой с Эрикой, и, обернувшись к двери, громко сказала:

– Миша, ну где ты там? Не стесняйся, проходи. Верно, не первый раз в гостях, пора бы уж и привыкнуть.

На пороге появился крупный лысоватый мужчина в слегка помятом льняном пиджаке и с двумя пакетами снеди в руках. Грубые, простоватые черты его лица на первый взгляд казались лишенными обаяния, но стоило ему улыбнуться, как впечатление тут же переменялось. Лицо его стало не только привлекательней и добрей, оно озарилось внутренним светом, и он стал похож на рождественского Деда Мороза.

– Познакомьтесь, это друг моей сестры, Михаил, – Лидия счастливо засмеялась. – Друг недавний, но, насколько я могу судить, – верный.

– Спасибо, голубушка, за представление. Не считите за труд, распакуйте продукты, – он поставил на стол два пакета. – Это мой скромный вклад в благородное дело сервировки стола к ужину.

– Ой, что вы, Миша! – всплеснула руками Лидия. – Мне даже как-то неловко. В самом деле, не надо было!

– Лидушка, не могу же я очаровательную хозяйку заставить у плиты стоять.

– Ты кого имеешь в виду? – обернулась Валерия. – Ее?! Да когда она там стояла? И вообще, у нас кухарка есть.

– Видишь ли, дорогая, кухарку я уже отпустила. – Лидия изобразила улыбку, но глаза ее при этом остались холодными и злыми.

Глава 2

Валерию никто не рискнул бы назвать красивой, но лицо ее обладало огромной притягательной силой. Особенно хороши были глаза – влажные, темные, манящие. Казалось, они должны принадлежать женщине чувственной и страстной, но Валерия была надменна и холодна. Глядя на двух сестер, Артур часто ловил себя на мысли, что они совершенно не похожи – жизнерадостная хохотушка Лидия и ее высокомерная, скупая на улыбку старшая сестра.

– Что-то Валерия сегодня не в духе, – встревоженно сказал Михаил. – Лидушка, вы случайно не в курсе, что с сестрицей творится? Говорит, дурные предчувствия у нее, сон плохой приснился.

Валерия встала.

– Слишком разговорчив ты сегодня, Миша. Не к добру это. Сходи лучше, поставь минералку в холодильник. Помнишь, где он?

– Помню, помню. Я уж тогда и водочку в морозилочку положу. Водочка – она хорошо пьется, когда до восьми градусов охлаждена. Ну, или на крайний случай до десяти. Благородный напиток, да. И пить ее надо маленькими глоточками, растягивая удовольствие и наслаждаясь. – Он семенящей походкой, смотревшейся смешно при его высоком росте и крупной комплекции, потрусил на кухню. – А на закусочку грибочки хороши, рыбка красненькая, да огурчики солененькие. Икорочкой еще хорошо закусывать, с блинчиками...

Когда его голос затих вдали, за кухонной дверью, Лидия укоризненно посмотрела на Валерию.

– Ну вот, зачем ты так! Он такой домашний и уютный, а ты его обижаешь.

Валерия пожала плечами и отвернулась к окну.

За все время этого разговора Артур не проронил ни слова, задумчиво рассматривая в вытянутых руках картину Эрики.

– Я, кажется, знаю, где это, – произнес вдруг он. – Это Таласский хребет Заилийского Алатау. Правильно?

Глаза у Эрики взволнованно заблестели, и она слегка порозовела.

– Совершенно верно. Бывали в наших краях?

– Был однажды. А еще у вас определенно есть талант, и только такой чурбан, как мой друг Филипп, мог не заметить этого.

Филипп сделал неопределенный жест рукой:

– Я, кажется, уже извинился.

– Вот именно – кажется... Пойду закажу пиццу, думаю, это не будет лишним. Тем более что скоро приедут Аманда и Макс.

– Ну да, – хмыкнула Валерия, недолюбливавшая обоих, – уж они-то почревоугодничать горазды. Пожалуй, Макс все же больше – его брюхо выдержит и слона.

– Нет, ты явно сегодня не с той ноги встала. Не будем считать, кто сколько ест, это моветон, – скривилась Лидия.

– А мы и не считаем. Если же ты имела в виду конкретно меня, то так я выразила свой восторг от предстоящего визита сладкой парочки. Да, я их очень «люблю» и каждый раз «радуюсь», когда они приходят. Ты разве не знала?

Валерия ехидно засмеялась, а Лидия раздраженно передернула плечами. Конечно же, она прекрасно помнила, что Аманда и Валерия не выносят друг друга и постоянно пикируются. Обе испытывали друг к другу необъяснимую неприязнь, вряд ли задумываясь – отчего. Во всяком случае, когда Лидия спросила Валерию, чем ее раздражает Аманда, та только пожала плечами и коротко ответила: «Всем».

Больше Лидия ни о чем не спрашивала. Ее редко интересовали мотивы поступков и эмоции других людей, ее всегда занимали только свои собственные чувства.

Обе замолчали, и стало слышно, как Артур говорит в трубку:

– Пять, нет, пожалуй, давайте семь пицц. Больших. Да, с грибами и ветчиной. Когда доставите заказ? Через сорок минут? Хорошо.

– Пицца?! Кто сказал – пицца?!! Ах, это сладкое слово «пицца»! – На пороге гостиной возник Макс. Белозубо улыбаясь, он картинно застыл в дверном проеме, наслаждаясь вниманием к себе, которое он ошибочно принял за восхищение. На самом деле, стоило ему где-либо появиться, как присутствующие тут же вспоминали, что некоторые темы – в частности тема злого рока в искусстве, мешающего пробиться истинному таланту, категорически под запретом. Об этом Макс мог говорить часами, потому что искренне верил: только отсутствие нужных связей и происки врагов не позволили ему до сих пор стать звездой. Из-за этой особенности Макса недолюбливали, возможно несправедливо, потому что во всем остальном он был довольно мил.

Единственной, кого не раздражали слабости Макса, была Лидия. Она даже взяла юное дарование под свою опеку, всячески продвигая его и протежируя. Впрочем, пока Макс удалось сняться только в двух второстепенных ролях, так что он до сих пор считал себя несправедливо обойденным.

За его спиной, как всегда, в чем-то белом и воздушном маячила Аманда. Она попыталась протиснуться в гостиную, а когда ей это не удалось, оттолкнула Макса и вошла.

– Не хочу пиццу! Я на диете, мне нельзя! – обиженно надула она губки.

– Так и не ешьте, кто ж заставляет, – ядовито заметила Валерия. – Кстати, вам действительно нужно скинуть не менее пяти килограммов.

– Глупости. Тогда я стану похожей на вас.

– Вот уж ерунду говорите, – снисходительно улыбнулась Валерия. – Здесь у вас без шансов, хоть с диетой, хоть без.

– Ну и слава богу, – огрызнулась Аманда, – не очень-то и хотелось.

– Вот и зря. Будь вы немного умней, старались бы учиться у окружающих.

Макс выскочил вперед и загородил собой Аманду от Валерии.

– Какая же вы! – эмоционально воскликнул он и, повернувшись к Аманде, засюсюкал: – Радость моя, видишь, как много людей собралось? Все есть хотят, а пицца – это демократично и сытно. Но если ты настаиваешь, я могу сбегать в ближайший магазин и купить тебе что-нибудь диетическое, обезжиренный кефир например.

Валерия фыркнула.

– О господи. Да ведите же себя как мужчина, в конце концов!

Сквозь смуглую кожу Макса проступил румянец:

– Я, кажется, не давал повода так со мной разговаривать, Валерия.

– А ей повод не нужен, – вмешался Филипп, – повод – это для слабаков, а Валерия сильная женщина. Правда, Лерка?

– Хам.

Валерия демонстративно отвернулась от Филиппа.

Аманда вздохнула:

– Не надо никуда бежать. У меня сила воли слабая. Не умею я на кефирчике сидеть, когда все вокруг пахнут пиццей.

Последние ее слова потонули в грохоте распахнувшегося окна. Сильный порыв ветра вздыбил штору и взметнул пламя камина, подняв сноп искр. Где-то завывло, загрохотало, лампы же мигнули и погасли. В темноте стало слышно, как лупит по стеклам дождь. Новая молния, ударившая в землю где-то совсем рядом с домом, прочертила небо и озарила призрачным светом гостиную и высокую фигуру в развевающемся плаще.

– Мама! – взвизгнула Аманда, мертвой хваткой вцепляясь в Макса.

Он раздраженно поморщился от боли, но руки не убрал.

– Да закройте же кто-нибудь окно, мы сейчас все пропахнем дымом! – крикнула Валерия. – Артур! Миша!

Михаил схватился со своего места и кинулся к окну. Мокрая штора хлопнула его по лицу, он поймал ее и, накрутив на кулак, отвел в сторону, а затем плотно закрыл раму. В воздухе остался висеть запах дыма и свежего ночного ветра.

– Я... это... прошу прощения, – сказала фигура в плаще хриплым контральто. – У вас было открыто. На входе. Я решила, что можно войти.

– Проходите, проходите! – иронично откликнулся Филипп, зажигая свечу на столике у камина и поднимая ее так, чтобы свет упал женщине на лицо. Неверное пламя выхватило крупный нос, круглые маленькие глаза и острый подбородок щекастого лица. – Ну, что я говорил?! – повернулся он к Артуру. – Просто дом открытых дверей! В прямом смысле этого слова.

– Я, пожалуй, пойду. Не стоило приходить. – Женщина неуверенно потопталась, но тем не менее не сдвинулась с места.

– Не обращайте внимания на Филиппа, – Артур подошел к ней и жестом предложил присесть на диван рядом с Эрикой, – он временами бывает несносен, но потом сам об этом жалеет. Вас, кажется, Мара зовут?

– Да. Признаться, не выношу быть одна. Особенно в дождь... – И в ее голосе, полном благодарности, задрожали слезы.

Филиппу стало стыдно, и он попытался загладить свою резкость. Он порывисто встал, залихватски щелкнул каблуками и протянул Маре руку:

– Разрешите представиться. Филипп Котов. Друг Артура и его партнер по мелкому бизнесу.

– Не верьте ему, Мара, – донесся голос Валерии откуда-то из темноты, – его бизнес гораздо солиднее, чем он хочет показать. И вообще, хватайте его и тащите в загс. Он будет счастлив.

Огромную гостиную делил надвое камин. Он был выдвинут вперед и развернут к входной двери так, что вторая половина комнаты за ним тонула в темноте. И сейчас, без электрического освещения, тот, кто проходил туда, полностью скрывался во мраке.

– Во мне проснулся Дон-Кихот по материнской линии, – не обращая внимания на выпад Валерии, продолжал Филипп, – можно сегодня я буду вашим кавалером? Если Прекрасная Дама в опасности, мой долг – защитить ее.

– Я не хочу в загс, – пробормотала Мара, проигнорировав его вопрос.

– Это почему же?

– Хочу жить с мужем в любви и согласии, а будет загс или нет – это неважно, – ответила она.

– Ой, ну только не надо врать, – вдруг ошетинился Филипп, почувствовав себя уязвленным. – Все вы, женщины, хотите прежде всего законного брака, а потом уже жить в любви и согласии. Но тут уж как получится, не всем везет.

– Да чего вы ко мне пристали? В конце концов, это не ваше дело – хочу я замуж или нет. И вообще, у Дон-Кихота не было детей!

– Да-а? Умная, что ли?!

Мара мрачно насупилась и умолкла, Филипп тоже. Артур повернулся к нему и приложил палец к губам, призывая молчать, а тот в ответ недоуменно пожал плечами. Уже зарекался при Валерии никуда не встречать – себе дороже! – и опять не удержался. Он принял нарочито незаинтересованный вид, ожидая от Валерии насмешки и собираясь защищаться, но она, как ни странно, промолчала.

Все затихли и молча слушали, как дождь стучит по крыше. Люди сливались с темнотой, и порой казалось, что гостиная пуста. Это навевало суеверный страх. И кто-нибудь обязательно не выдерживал и громко что-то говорил, только бы почувствовать человеческое присутствие. Но разговоры каждый раз быстро замолкали, и снова становилось тихо. Последняя пауза затянулась дольше обычного, Филипп даже едва не задремал, пригревшись у камина, как вдруг его разбудил голос Эрики.

– Вы слышали, – громко сказала она, – говорят, сюрреализм сейчас снова входит в моду? В Америке картины недавно еще никому не известных мастеров стоят миллионы и разлетаются, как горячие пирожки.

– Это как? – сонно откликнулся Филипп.

– Договоры заключены на несколько лет вперед, и пока художник пишет картину, на нее уже есть покупатель. Я это точно знаю: работы одного моего знакомого очень популярны сейчас в Нью-Йорке, а три года назад его имени никто даже не знал.

– Так то ж Нью-Йорк. Я не особенный ценитель живописи, но кое в чем разбираюсь: у нас сейчас в моде реализм, сюр не катит, – фыркнул Филипп.

– Это временно, уверяю вас! Скоро и до нас донесется волна. Эх, жаль, я не могу купить хотя бы одну из его картин, пока цена на них не стала заоблачно высока, – посетовала девушка.

– Если еще не стала, то почему не можете?

– Так у меня и таких денег нет! – Эка звонко рассмеялась. – И накопить не удастся: я транжира.

– Вот пусть ваш художник вам ее и подарит.

– Да кто я ему? – вздохнула она. – Не жена, не любовница... А он живет с продаж, это его единственный заработок.

За окном опять загромыhalo, дождь припустил с новой силой, и ветка яблони суетливо застучала в окно. Мара следила за дрожащим язычком пламени свечи и боялась отвести взгляд. Казалось, там, за границей желтого света, таится что-то пугающее и даже ужасное, а ей очень не хотелось снова пускать в свою жизнь кошмар, вот она и смотрела на огонь, не отрываясь. Только когда вспыхнул свет, она облегченно вздохнула. Получилось довольно шумно, и Мара, слегка смутившись, поторопилась пояснить:

– Я вроде бы и люблю при свечах посидеть, но сегодня так тяжело на душе, будто покойник в доме...

– И часто у вас случаются депрессии? – повернулась к ней Валерия. – Могу порекомендовать хорошего психиатра.

Мара не ответила. Она пристально смотрела в сторону окна, выходящего в палисадник, и на лице ее читался ужас. Три месяца прошло со дня смерти матери и тети, а они ей все мерещились. Вот и сейчас показалось, будто там, в саду, кто-то бродит, и даже мелькнули их тени. Эрика склонилась и обеспокоенно тронула ее за плечо.

– А? – Мара отшатнулась, вздрогнув всем телом.

Простоватое лицо ее, покрытое многочисленными конопушками, так побледнело, что казалось серым. Глаза уставились в одну точку, а руки слепо зашарили по столу. Эрика быстрым движением налила в стакан воды и придвинула его Маре:

– Вам плохо? Вот, выпейте воды.

Мара, не отвечая, схватила стакан и, выстукивая зубами дробь, сделала несколько глотков. Потом отставила его в сторону и вымученно улыбнулась:

– Ерунда. Просто показалось. И еще... тоскливо.

Брови ее сошлись к переносице, и она, словно забыв о присутствии других, нервно зажевала губами, глядя перед собой.

– Ничего удивительного, – отвлекла ее от мрачных мыслей Эрика, – вон дождь зарядил, как из ведра льет. Оттого и тоска. Все пройдет, обязательно. Все будет хорошо.

– Не знаю, – протянула Мара, и в глазах ее блеснули слезы.

Вдруг Артур, сидевший, напряженно выпрямившись, вскочил и обеспокоенно обвел взглядом гостиную:

– А где Лидия? Кто-нибудь знает, куда она пошла? Лиди! – Он выскочил в коридор и, задрав голову, закричал, глядя в лестничный пролет: – Лиди! Ты где? Спускайся вниз, гости заждались.

В гостиной Валерия встала и сжала пальцы до хруста, намереваясь выйти вслед за Артуром. Филипп иронично хмыкнул.

– Что с вами? Неужели ревнуете сестру?

– С чего вы взяли?

– Показалось.

– Бред.

Он улыбался, но глаза его оставались серьезными.

– Думаю, нет.

– Кстати, как поживает ваша теория бесконфликтного общения, Филипп? Или вы уже отказались от нее?

– Ну почему же? Вот только не со всеми выходит.

– Да бросьте. Мои колкости вам нужны как допинг, без них вы начнете хиреть.

– Добрая самаритянка. Значит, заботитесь обо мне, – скептически кивнул он. – То есть вы не докучаете мне специально, а практически жертвуете собой, чтобы помочь? Кажется, я понял. Суть вашего метода состоит в том, чтобы сначала подтолкнуть человека в спину, спихнув в пропасть, а потом, если жертва удержится на краю, милостиво подать ей руку.

– Боже мой, какая чушь.

Валерия хотела еще что-то сказать, но не успела. Во входную дверь так остервенело застучали, что грохот разнесся по всему дому и хрустальные подвески на люстре зазвенели.

– Господи, что за манеры?! Миша, пойдите откройте. Артур все равно не слышит. – Валерия нервно прошла к окну, пытаясь разглядеть, кто стучит.

– Хорошо. Заодно и водочку достану, должно быть, охладилась уже, – радостно пробормотал Михаил, удаляясь с грацией носорога. Филипп иронически улыбнулся, глядя ему вслед, и Валерия, заметив это, поджала губы.

Стук в передней сменился топотом и возбужденными голосами, один из них явно принадлежал очень молодому человеку, если не сказать юному. От возбуждения он то и дело срывался на фальцет, проглатывал слова и заикался.

– Вот, – сказал Михаил, вводя совершенно мокрого парня. – Лопочет что-то скороговоркой, и ничего не понять. Может, вы разберете. А я пока пойду за водкой, из-за него забыл взять.

Он вышел, а все выжидающе уставились на мальчишку.

– Там... это... – промямлил бедолага, краснея под взглядом нескольких пар глаз.

– Да говорите же! – поторопила парнишку Валерия.

– Я... это... пиццу... принес... а там...

– Пицца? – оживилась Аманда. – И где она? Давайте ее скорее сюда!

– Вот это новости, – ухмыльнулся Филипп, – вы же совсем недавно вопили, что терпеть не можете пиццы.

– Хочу убедиться в мастерстве повара. Мало кто правильно пиццу готовить умеет. Вот я – умею!

– Я иду, а она, – продолжал бормотать парень, не обращая внимания на перепалку, – а она лежит с открытыми глазами...

Филипп настороженно покосился на него:

– Кто лежит с глазами – пицца?

Мальчишка судорожно сглотнул и, понизив голос до шепота, ответил:

– Женщина. Мертвая.

Глава 3

Подполковник Эдуард Петрович Лямзин неся на своем новеньком автомобиле, наслаждаясь ветром. После оперативного раскрытого дела о маньяке, убивавшем блондинок прибалтийского типа внешности¹, карьера его резко пошла в гору и жизнь приобрела совершенно иное звучание. Получение очередного звания, новая просторная квартира и машина, купленная в полном соответствии с давно лелеемой мечтой, оказались самыми действенными средствами от хронической депрессии.

Жизнь положительно начинала ему нравиться.

Единственное, что вносило диссонанс в его счастливое существование, – отсутствие семьи. Конечно, можно было сделать предложение Таисии, но он все сомневался. Возможно, этому был причиной ее взрывной характер, а может, неспособность прощать промахи партнера и нежелание идти на компромисс, и Лямзин все тянул и тянул. Бурно начавшийся роман постепенно сошел на нет, отношения стали пресными и только время от времени оживлялись вялыми ссорами.

Последняя закончилась скандалом с хлопаньем дверей, Лямзин вылетел от Таисии взбешенный, пообещав, что ноги его больше не будет в ее доме. Не виделись они после этого две недели, в течение которых Эдик решил, что от отношений устал и их надо разрывать. И вдруг она позвонила сама. Многозначительно намекнула на какой-то сюрприз и попросила непременно приехать. Застигнутый врасплох, Лямзин не сразу сообразил, как бы деликатно отказаться; да и мимолетная мысль, что обещанная неожиданность – из разряда: «Дорогой, у нас будет ребенок», – не позволила это сделать. Скрепя сердце он поехал к Таисии.

Включив левый поворот, он посигналил спешащей через дорогу кошке, отчего та смешно подпрыгнула, высоко вскинув задние лапы, затем сделал погромче музыку и открыл окно. В машину ворвался ароматный воздух, пропитанный запахом мокрой после дождя листвы и цветов. Лямзин с наслаждением вдохнул и, кивая в такт музыке, принялся подпевать. Получилось так громко, что он не сразу расслышал звонок телефона.

– Слушаю! – торопливо гаркнул Лямзин, разглядев на дисплее номер начальника.

Давно собирался какой-нибудь особый рингтон поставить, чтобы и погромче, и сразу понятно было, что это начальство звонит, а не кто-либо другой, но коллеги отговорили. Показали бродившую по Интернету байку о том, как один умник собрал всех своих подчиненных, изъясил у них мобильники и позвонил со своего телефона на каждый конфискованный. В результате прослушивания персонально ему посвященных рингтонов и просмотра надписей на дисплеях отдел остался без премии.

Вполне возможно, что эта байка была лишена всякой реальной основы, но проверять на собственном опыте не хотелось.

– Эдик, что долго трубку не берешь? Ты уж прости, что отрываю от законного отдыха, но некому выехать на происшествие. Придется тебе.

– Так прям и некому? – возмутился Лямзин. – А Уфимцев? А Борисов?! Они все вне зоны досягаемости?!!

– Это я в тебе и люблю – ты сам все заранее знаешь, – меланхолично огрызнулся Плановой.

– Нет, я что – единственный сыщик в управлении?!

– По адресу Яузская, 15 – это Лосиный остров – обнаружен труп женщины. Надеюсь, этот адрес тебе знаком, и вопрос, почему там должен быть именно ты, отпадает сам собой.

– Угу, – мрачно буркнул Лямзин.

¹ Об этом рассказывалось в романе Дианы Бош «Все совпадения не случайны», издательство «Эксмо».

Дослушав до конца, он в сердцах замахнулся, намереваясь выкинуть телефон в окно, но вовремя передумал. Теперь к Таисии ни за что не успеть, даже если очень сильно постараться. А это значит, что очередной скандал обеспечен.

Он набрал номер ее мобильного телефона, но она, как обычно, не отвечала. Ни за что не снимет трубку, если его ждет! Вот такой характер противный – считает, что сам должен заехать и предупредить.

Лямзин посмотрел на часы, прикидывая, может ли он все-таки заскочить на пару минут к Таисии. В принципе, решил он, ничего не случится, если на место происшествия приехать чуть позже: уж труп-то точно никуда не убежит. А если по окраинным улицам поехать, то, возможно, и пробок получится избежать.

На маленькой узкой улочке, куда он свернул с трассы, было полно луж. Лямзин принялся аккуратно объезжать их, опасаясь скрытых под водой рытвин, и только хотел увеличить скорость, как из-за большого раскидистого куста на очередном повороте выбежала девушка в белом. В свете фар, перед тем как затормозить, он успел увидеть бледное лицо, расширенные от ужаса глаза и резко ударил по тормозам.

С остервенело бьющимся сердцем он выскочил из автомобиля и кинулся к распростертому на мокром асфальте телу.

– Эй, девушка, вы живы?

Правая рука ее с крепко сжатой в ней театральной сумочкой, густо усыпанной стразами, была откинута в сторону. Почему-то именно эти крепко сжатые пальцы вселили в него надежду, что самого страшного не произошло и девушка жива. Он осторожно убрал волосы с ее лица и прикоснулся двумя пальцами к шее, нащупывая пульс.

– Вы слышите меня? – тихонько окликнул он, быстро нажимая на кнопки телефона другой рукой. – «Скорая помощь»? Але!

Звонок сорвался, и трубка часто запищала.

– Не надо. – Девушка открыла глаза и села, обхватив руками колени.

– Что – не надо? – от неожиданности опешил он.

– «Скорую» не надо. Не люблю.

Он и сам не сразу понял, что с ним происходит. В груди вдруг разлилось сладкое тепло, дыхание участилось, а сердце забилось быстро-быстро. Давнее, сто лет назад забытое чувство, которое бывает только в детстве, охватило его.

Аня Комарова, его первая любовь, жила в соседнем дворе и часто ходила со скрипкой мимо. А он каждый раз замирал и подолгу смотрел ей вслед. Однажды он все-таки решился заговорить. Подбежал так близко, что видел каждую веснушку на ее худеньком лице; слушал ее дыхание, смотрел в смеющиеся глаза и... не смог выдавить из себя ни слова. А она, постояв немного, повернулась и ушла, махнув на прощание рукой.

Как же он был в нее влюблен! Она казалась ему инопланетянкой, богиней, случайно спустившейся на землю. Тоненькая, с трогательными золотистыми завитками у лба и огромными, вытянутыми к вискам, как у олененка, глазами.

Им так и не удалось поговорить. Спустя полгода она уехала с родителями куда-то за Урал, и больше он никогда ее не видел.

Повзрослевшая копия его давней мечты встряхнула роскошными волосами и посмотрела на него с прищуром.

– На надо «Скорую». Не люблю. Вообще больницы не люблю, в принципе.

– Слава богу... вы живы... – Он противно запинаясь и презирал себя за это. – Напугали до смерти. Я, кажется, вас сбил.

От вырвавшейся последней фразы ему стало особенно стыдно. Глупость получилась какая-то.

– Seriously? – она засмеялась. – А я-то думала, что сама упала. Об машину с разбегу ударилась и упала.

– Простите, я несу ерунду. Я хотел сказать... рад, что вы живы.

– Жива, – она кивнула и поморщилась, потерев шишку на затылке, – но, похоже, изрядно стукнулась головой.

– Срочно едем в больницу! – испуганно вскочил Лямзин. – Давайте я помогу вам подняться.

– Идите к черту, – она отпихнула его руку. – Никуда я с вами не поеду. И уж тем более в больницу, сказала уже!

У взрослой богини оказался дурной характер.

– Что значит – не поеду? – занервничал он. – А если сотрясение мозга?

– Нет у меня никакого сотрясения, я симптомы знаю. А если и есть, то слабое.

– Ну, хорошо, допустим. Тогда позвольте, я вас домой отвезу, только назовите куда.

Она так долго думала, будто забыла и о вопросе, и о присутствии Лямзина. Он уже хотел было напомнить о себе, когда она вдруг резко встала и посмотрела полными слез глазами.

– Нет у меня дома.

– Как это – нет? – Он окинул внимательным взглядом модное платье, правда, теперь изрядно подпорченное грязью, изящные туфельки на шпильке и очень красивую и, похоже, дорогую сумочку, украшенную стразами Сваровски, и скептически скривился: – Не верю.

– Ну и не верьте.

– Бросьте. Вы не похожи на бродяжку.

– Вы меня не так поняли, – устало отмахнулась она. – Впрочем, это неважно.

– Почему? Идти вам некуда, в городе в таком виде появиться нельзя: все платье испачкано. К тому же голова болит. Наверное, все-таки есть место, куда вас можно отвезти? К знакомым, к родным, друзьям?

Она молчала, не отвечая и разглядывая освещенное фонарем дерево со скворечником на нем, и Лямзин вспылil:

– Короче, я виноват и на дороге вас бросить не могу. Но и ждать, пока вы решите, куда же все-таки ехать, – тоже. Потому что у меня работа, и я тороплюсь.

– Вечером?! – Она повернула голову и иронически ухмыльнулась. – Только не говорите мне, что вы на своем «мерсе» «бомбите».

– Знаете что, мне не до шуток. Сделаем так: вы поедете со мной и посидите у меня в машине. А когда я освобожусь, отвезу вас туда, куда скажете.

– А в Париж?

– В пределах разумного.

Она надулась и засопела.

– Никуда я с вами не поеду. А вдруг вы маньяк?!

– О господи! Да на кой вы мне сдались, больно надо. Вот, смотрите.

Он достал из кармана удостоверение сотрудника милиции и развернул его к свету фар.

Она внимательно рассмотрела фотографию и печать, критически сравнила с оригиналом, сощурился глаза, и вздохнула:

– Начинаю верить, что я неудачница. Даже под машину приличную не смогла попасть, под ментовскую угодила.

– Да уж, конечно, бандит был бы предпочтительнее, – обиделся Лямзин. – Садитесь в машину и не выпендривайтесь: в грязном платье вас первый же патруль заметет. Как бродяжку. И очутитесь в окружении так вами нелюбимой милиции, причем чинами пониже и надолго.

– Какой изысканный стиль! Какой налет аристократизма и культуры!

– Садись уже, богема немытая.

– Грубиян.

– Гюрза.

– И не трогайте меня своими грязными руками! Я сама сяду.

Она ловко увернулась и села на переднее сиденье, выдернув из-под двери пышную юбку и зло зыркнув на Лямзина. Он кротко вздохнул:

– Вот и делай людям добро.

Потом быстро обогнул машину по периметру, сел за руль и, газанув, сорвался с места. «Дилемма решилась, – подумал он. – К Таисии теперь можно не ехать: обязательно просечет, что я не один, и устроит грандиозный скандал».

А потом будут подозрения, догадки, построения версий, он начнет оправдываться, а она – злиться и молчать. Ну уж дудки. Лучше пусть бесится из-за того, что он не приехал, хоть обещал, – меньшей кровью обойдется.

Лямзин бросил мимолетный взгляд на девушку, сидящую рядом.

– Звать-то как? – спросил он.

– Не скажу.

– Хорошо, так и будем обращаться: «Мадам Не-скажу».

– Мадемуазель.

– Ой, а что так? Охотника жениться до сих пор не нашлось? Или у вас принципиальная позиция: замуж – ни-ни?

Она отвернулась к окну и тихонько всхлипнула. Лямзину стало не по себе. Женских слез он органически не выносил.

– Простите. Не мое дело. – Он наклонился и достал из бардачка упаковку влажных салфеток. – Вот, возьмите. Вытрите лицо, вы испачкались, когда упали.

– Александра.

– Что?

– Меня зовут Александра. И, пожалуйста, никаких Шурочек и Саш.

Она тщательно вытерла руки и принялась, глядя в маленькое зеркальце, стирать грязь и поправлять размазавшийся макияж.

– Ух ты. А вы штучка еще та, надо заметить.

– Оставьте свои выводы при себе, мне они не интересны.

– Как пожелаете. Эдуард Петрович. Можно просто Эдик.

– Да-а?! Прямо вот так и можно?

– Не понял, в чем прикол?

– В жене или подруге, экий вы тугодум. Представляю, как они обе обрадуются, когда вдруг случайно, в телефонную трубочку к примеру, услышат, как я нежно вас зову: Э-эдик, Э-эдик.

Она злорадно рассмеялась.

– Что за грязные намеки на адюльтер? – возмутился Лямзин. – Да у меня, между прочим, и жены-то нет.

– Ну тогда, значит, есть две подруги.

– А, я понял, – обрадовался Лямзин, – вам ваш миленок рога наставил: жил с вами, а встречался еще с двумя. Вот вы и мстите всей мужской части человечества в моем лице.

– Хам.

– Змея.

– Вы повторяетесь.

– Вы тоже.

Оба надулись и замолчали. Отомстить хотелось необыкновенно, но фантазия давала сбой. Первого осенило Лямзина. Он оживился, достал телефон и демонстративно набрал номер.

– Из-за вас девушке своей забыл позвонить, – сообщил он, слегка отстраняя от себя трубку.

– Нет у вас никакой девушки.

– Это почему же?

– Вы сами сказали.

– Я сказал, что у меня нет жены, а это не одно и то же.

– Не имеет значения. У вас в принципе не может быть ни девушки, ни жены: они с вами не выживут.

– Как-то вы агрессивно настроены. Проблемы в личной жизни? Сочувствую. – И хотя Таисия трубку так и не взяла, ласково защебетал: – Таечка, детка, не скучай без меня, я скоро буду...

– У вас длинные гудки, – перебила его Александра, – у меня слух хороший.

– К слуху бы еще воспитание добавить – цены бы вам не было, – он раздраженно прервал звонок.

– Вам бы тоже воспитание не помешало. Врать неприлично.

Лямзин покосился на нее, собираясь ответить едко и остроумно, но взгляд упал на грязное платье, и он пристыженно прикусил язык.

«Действительно, невежа, – подумал он. – Сбил на дороге девушку, испортил ей дорогое платье, возможно, нанес вред здоровью и еще и ерничает и грубит. Да за это убить мало».

И он решил, что обязательно купит Александре новое платье взамен испорченного.

– Яузская аллея, 15, – вслух сказал он, – это должно быть где-то здесь. – Он повертел головой по сторонам. – Сейчас мы на Белокаменном шоссе, а ехали с Богатырского моста, значит, нам налево...

Он нажал на газ, прибавляя скорость.

– Здесь на дорогу могут выходить лоси, нельзя так гнать, – недовольно попрекнула его Александра.

– Что вы говорите, ну надо же! И что бы я без вас делал?! – ехидно произнес он, не сбавляя скорости. – Между прочим, я еду в рамках правил, так что не надо на меня строго смотреть.

Александра отвернулась.

– Да как хотите, – буркнула она, – лось – не я, от него солидная вмятина на машине останется.

– Чувствуется собственный опыт.

– Вовсе нет. Чтобы поверить в ядовитость синильной кислоты, необязательно ее пить.

– Конечно, можно дать проглотить ее кому-нибудь другому.

У Александры вытянулось лицо.

– Ну у вас и юмор... Ментовский.

– А я думал, это называется «черный». Кстати, приехали. Нам вот в этот тупичок. Вы пока посидите здесь, музыку послушайте, а я скоро буду. И тогда мы все выясним и поговорим о том, о чем еще не успели поговорить.

Глава 4

Дорожки сада антрацитово блестели в свете фонарей, с листьев и ветвей капала вода, а где-то рядом журчал ручей. Лямзин быстро прошел вперед, осмотрелся и сделал пометки в блокноте. Опергруппа уже заканчивала осмотр. Щелкала вспышка камеры: эксперт фотографировал место происшествия. Женщина лежала на лужайке возле большого валуна, голова ее была безжизненно вывернута. Рядом стоял Артур с таким выражением удивления на лице, будто еще до конца не поверил в происходящее. Лямзин внимательно всмотрелся в лицо убитого горем мужа. Действительно скорбит или притворяется? За время работы в угрозыске ему такие талантливые актеры попадались, что только держись. Сам Станиславский бы «браво» кричал.

Окно второго этажа, точнее, его подоконник, находится метрах в шести-семи над землей. Похоже, в доме высокие потолки. Предположительно, смерть вызвала травма головы – девушка сильно ударилась о валун, на виске рана от удара тупым предметом.

Лямзин оглянулся на сбившихся в кучку, потрясенных смертью хозяйки дома гостей. Он по очереди взгляделся в их лица, выбрал самого уравновешенного, на его взгляд, и отозвал в сторону.

– Вы видели, как все произошло?

– Увы, понятия не имею, – пожал плечами Филипп. – В доме отключили электричество, и мы некоторое время сидели в темноте. Гостиная огромная, большая ее часть не освещалась. Да и я, признаться, сидел у самого камина, и свет его не позволял разглядеть, кто куда пошел или пересел.

– Это намек на то, что у вас алиби?

– Да называйте как хотите, – брезгливо скривился Филипп. – Разговаривали мы ни о чем, пустая болтовня. Я даже сейчас и не вспомню ни одной темы. А, нет, одну помню – Эрика рассказывала, что за границей нынче моден русский сюр.

– Что, простите?

– Сюрреализм.

– Это к делу не относится.

– Да как хотите. Потом зажегся свет. Яркий, после темноты показался ослепительным. Тут Артур заметил, что Лидии нет. Звать ее начал... – Филипп тяжело вздохнул. – Кто бы мог подумать, что она... что ее больше никогда не будет с нами.

Лямзин достал сигарету, и Филипп жадно сглотнул.

– Курите? Берите.

Он протянул пачку, и Филипп с благодарностью вынул сигарету.

– Бросил недавно. Сердце стало давать о себе знать. Но сейчас не могу, до того затянуться хочется, что кажется, еще немного, и сознание потеряю. И ведь знаете, я был уверен, что она в гостинной, не видел, чтоб выходила. Как-то все нелепо произошло, вроде бы только что разговаривала, смеялась, а потом вдруг появляется этот мальчишка – разносчик пиццы и говорит, что во дворе мертвая женщина.

– Где он?

Филипп махнул рукой, подзывая паренька жестом. Тот подошел и, шмыгнув носом, потер его кулаком.

– Тебя как зовут?

– Остап.

– Остап, ты как здесь очутился?

– Так пиццу принес. Заказ. – Парень беспомощно захлопал рыжими ресницами. – Подошел к воротам, хотел позвонить, калитку толкнул – а она не заперта...

Он замолчал, и Лямзин нетерпеливо подогнал его:

– Ну?!

– И... и все.

– Что – все? Ты чего мне голову морочишь, Остап? Рассказывай дальше давай.

Мальчишка часто заморгал, стараясь сдержать слезы, но они все равно предательски наполнили глаза, грозя вот-вот пролиться. Он исподтишка бросил быстрый взгляд на Аманду и ловко, одним движением, смахнул их с глаз.

– Я вошел в приоткрытую калитку – просто толкнул ее плечом: руки-то заняты были коробками с пищей, и пошел по тропинке. И тут – сильный порыв ветра. Я ускорил шаг, подумал, что сейчас снова хлынет дождь... – Он запнулся, будто не в силах произнести последние слова.

– И?

– Там развилка, возле куста сирени, и я остановился, решая, по какой тропинке лучше пойти. Тут молния как раз сверкнула. Наверное, я в ее свете неправильно расстояние оценил, мне показалось, что по левой дорожке к дому короче подойти. И вот, когда я подошел к тому валуну, – он головой мотнул в сторону лежащего тела, – вдруг из окна что-то полетело.

– Ты сразу понял, что упал человек?

– Ничего я не понял. Темно было, и ветки дерева мешали рассмотреть, что там. Машиной подошел глянуть, тут опять вспышка молнии... а у нее глаза открыты и... кровь... на валуне.

Он замолчал, видимо переживая все заново, и судорожно сглотнул.

– Дальше?

– Не помню. Кажется, я бросился бежать, поскользнулся на траве, коробки из рук выронил. Там лужа в низине дождем налилась, в нее все и упало.

– Покажи, откуда и куда ты шел?

– Вот так, – парень повел рукой, показывая путь.

– Сомнений в том, что женщина мертва, у тебя не возникло? А вдруг она была еще жива?

– Нет. Говорю же, у нее глаза были открыты и взгляд мертвый, в небо. И еще шея неестественно вывернута.

– Что было потом?

– Не помню.

– Ну как же не помните, – влез в разговор Филипп, – вы же в дверь входную принялись колотить ногами!

– Да. Я стучал. Но меня такая паника охватила, я совершенно не знал, что делать. Сначала, кажется, к выходу с перепугу кинулся, потом вспомнил, что заказ не довез и без росписи в квитанции мне на работу нельзя, и вернулся. А какая квитанция – пицца-то испорчена. Потом подумал, что должен что-то сделать, милицию, что ли, вызвать... Кинулся к дому. Стал стучать.

– Ногами, – уточнил Филипп.

– Да, ногами! Потому что руками у меня не получилось достучаться. Вы не слышали!

– Там звонок есть.

– Я его не увидел. – Парнишка угрюмо насупился и замолчал.

– Ладно, хорошо. Успокойся, – как можно мягче сказал Лямзин. – Будь пока здесь, сейчас пойдем в дом.

Он пошел к собиравшейся уезжать опергруппе, на полпути повернулся и крикнул:

– Никуда не расходимся! Сейчас буду брать свидетельские показания.

– Да догадались уже, грамотные все, – прошипела Валерия.

Филипп повернулся и внимательно посмотрел на нее.

– Откуда такая просвещенность, мадам, неужели к детективам пристрастились?

– Ах, оставьте, и без вас тошно.

Мара сидела на одном из валунов, вытянув вперед ноги и свесив по бокам руки, что делало ее похожей на большую тряпичную куклу. Она смотрела рассеянно, вряд ли понимая, что происходит вокруг, но при словах Валерии глаза ее вдруг прояснились. Она подобрала ноги, согнув их в коленях, выпрямила спину и истерично заорала, жестикулируя и всплескивая руками:

– Да как вы можете! Ее нет. Понимаете, Лидии больше нет! И никогда уже не будет!!! Это невозможно понять, с этим невозможно смириться. Вам же будто все равно, равнодушные вы люди...

Голос ее прервался, и она разрыдалась, закрыв лицо ладонями и вздрагивая покатыми плечами. Эрика тут же бросилась к ней и, обняв, зашептала что-то на ухо. Валерия некоторое время наблюдала за ними с выражением искреннего недоумения на лице – Мара, по ее мнению, была слишком мало знакома с ее сестрой, чтоб так убиваться, а Эрика если и знала Лидию лучше, то уж опекаемую ею сейчас барышню и вовсе видела впервые. Понаблюдав еще пару секунд, Валерия резко отвернулась, словно зрелище ей наскучило, и пошла по тропинке к дому.

– Валерия, зачем вы безвременно покидаете нас? – крикнул Филипп. – Не уходите, без вас некому будет давать суровые оценки присутствующим!

Она на мгновение приостановилась и бросила через плечо:

– Перестаньте паясничать, Филипп. Вам это не к лицу. Ведь все знают, что вы и Лидия были любовниками.

Артур вздрогнул и с ненавистью посмотрел ей вслед.

– Та-а-ак, – задумчиво протянул, подходя к Артуру, Лямзин, – а дело-то принимает щекотливый оборот. У меня вопрос к хозяину дома: по какому поводу все собрались? У вас что, юбилей?

– Разве не видите – он в шоке, – возмутилась Эрика, оставив Мару и присоединяясь к Артуру. – У человека горе, ему трудно на вопросы отвечать.

– Вы можете сейчас говорить? – отодвинул ее в сторону Лямзин.

Артур посмотрел сквозь него, потом глухо произнес:

– Да.

– Я задал вам вопрос: по какому поводу сегодня все собрались?

Артур молчал, будто отключившись от происходящего, и вместо него опять встряла Эрика:

– Думаю, это произошло случайно. Мы с Лидией работали вместе, и она меня давно приглашала, говорила, заходи, когда будет время. Я только сегодня собралась, наверное, что-то похожее и у других.

– Вы были дружны?

– Лидия со всеми в театре поддерживала ровные отношения, не только со мной.

– И что, она всем предлагала заходить просто так?

– Я не знаю про всех, – Эрика пожала плечами. – Мне же часто повторяла: «Заходи, когда будешь рядом. Просто так, без церемоний заходи».

– Что, вот так запросто?

– А почему нет?

Лямзин пожал плечами:

– Вообще-то в наше время принято предупреждать хозяев звонком.

– Она была не как все.

– Скажите, а сколько вы уже работаете вместе?

– Я пришла в театр чуть больше года назад.

– И она с самого начала стала вас звать в гости, а вы, я так понимаю, только сейчас выбрались?

– Нет.

– А как?

– Сначала наши отношения были довольно отстраненными, мы просто здоровались, улыбались друг другу, и все. Потом как-то разговорились по душам, выяснилось, что у нас много общего, к примеру, ей тоже нравится мой любимый Хемингуэй. Нравился...

Филипп удивленно покосился на Эку.

– Вы что-то путаете, она относилась к Хемингуэю более чем прохладно, – сказал он.

– Да? Странно...

– И что было дальше? – вернул ее к предыдущей беседе Лямзин.

– Да так, ничего особенного. Она после того разговора часто заглядывала ко мне, иногда мы болтали, и Лидия каждый раз приглашала меня в гости. Я все отнекивалась – не могла, времени не было, а вот сегодня пришла. Случайно получилось...

Аманда подошла к ним и внимательно прислушивалась к разговору.

– Вот вы ее и убили, – сказала она вдруг. – Случа-а-айно. Знаем мы такие «случайности»! Кто в такое поверит, чтобы выбраться в гости именно в тот день, когда гибнет хозяйка. Не ходила, не ходила и вдруг – здрастье, пришла.

– Вас как, простите, зовут? – спросил Лямзин.

– Аманда.

– То есть, судя по монологу, вас Лидия в гости звала? – спросил Лямзин.

– Конечно! Она меня и Макса пригласила поиграть в бридж. А что удивительного? Лидия любила бридж.

– Кто-то из вас двоих врет, – не выдержал Филипп. – Я хорошо помню, как Лидия сообщила, что вы с Максом звонили предупредить, что скоро приедете. Она ни слова не сказала о том, что звала вас заранее, даже как бы наоборот.

– Вы намекаете, что я вру? Да, теперь, конечно, можно все, что угодно, сказать: Лидия-то мертва и не может подтвердить моих слов!

– Но...

– Да, может, она так и сказала, потому что лишний раз упреков от мужа слышать не хотела! Думаете, приятно знать, что кто-то тебя не одобряет!

– Когда это я Лидию попрекал? Что вы такое говорите, Аманда? – опешил Артур.

– Мне-то к чему врать? – кипятилась она. – Она жаловалась Макс, а я все слышала! И она сама нас заранее пригласила, я даже платье новое купила к сегодняшнему дню!

Она повысила голос, и Лямзин шикнул на нее:

– Тихо! Вы забываетесь, Аманда.

Она послушно закрыла рот, хотя, судя по возбужденному дыханию, ей много еще чего хотелось высказать.

– Поверьте, ничего вам этот опрос не даст, – вздохнул Артур. – У нас почти каждый день бывают люди и постоянно приходят без звонка. Лидия любила шум, огни, смех и ненавидела тишину.

– Я тоже боюсь быть одна. – Мара помолчала и еле слышно добавила: – Особенно когда льет дождь.

Глава 5

– Почему я должен давать показания первым? – громко возмущался Филипп. – Мадам Валерия изъявила желание высказаться, вот пусть и говорит. Она же все про всех лучше нас самих знает!

– Дойдет черед и до Валерии, – не сдавался Лямзин, – а сейчас мне хотелось бы выслушать вас.

– Это просто черт знает что такое! Отдохнул, называется, в выходной. Врагу не пожелаешь. Да куда я не пойду! Что я, преступник какой-то? Нет чтоб посидеть всем вместе в гостиной, помянуть добрым словом усопшую...

Лямзин вдруг остановился, осененный идеей, и Филипп едва не сбил его с ног, не успев вовремя затормозить.

– А знаете, это мысль. Пожалуй, так и сделаем. Останемся в гостиной и выслушаем присутствующих.

Лямзин сел за стол и достал блокнот и диктофон.

– А вот скажите-ка, любезный Эдуард Петрович, – произнес Филипп, удобно устраиваясь в кресле у камина, где сидел раньше, – как вы думаете, зачем мадам Валерия льет на меня грязь?

– Я никогда не вру, – выпалила она.

Лямзин заинтересованно посмотрел на нее и одобрительно кивнул:

– Похвальная черта. Надеюсь, мы сегодня в этом еще не раз убедимся.

– А лить грязь, Филипп, это значит выкладывать непроверенные слухи, – презрительно бросила Валерия.

– Вот видите, она продолжает настаивать. Ее медом не корми, а дай мне свинью подложить. Она меня не любит, ненавидит даже. И все из-за Лидии, – пожаловался он.

– То есть вы никогда не были с Лидией любовниками?

Филипп сник.

– Ну, не то, чтобы совсем... Была симпатия, не скрою, – Филипп с неудовольствием оглянулся. – Мне не хотелось бы в присутствии всех ворошить прошлое покойной.

– Вы сами отказались беседовать наедине, – напомнил Лямзин.

– Ладно. Дело давнее, в конце концов. Это случилось несколько лет назад и было неожиданностью для нас обоих. Возникла эмоция, почудилось, что это любовь. Оказалось – мираж. Две половинки от разных кувшинов, которые не лепились друг к другу. Даже романа толком не вышло, так, маленький эпизод в долгой земной жизни.

– Не врите, вы были влюблены в нее, как мальчишка, а старая любовь не ржавеет, – холодно улыбнулась Валерия.

– Похоже, это вы о себе, – ехидно уточнила Аманда. – Никак не можете избавиться от ревности к бывшему мужу? Подполковник, вам, думаю, будет интересно узнать, что Филипп и Валерия состояли некогда в законном браке.

– Вот как? – встрепенулся Лямзин, словно борзая, почуявшая дичь. – Валерия, ничего не хотите об этом рассказать?

Та смерила Аманду презрительным взглядом.

– Тебе-то откуда известно?! Это было сто лет назад и не даст абсолютно никакой полезной информации.

– И все-таки?

Кожа на шее и груди у Валерии пошла пятнами, и это единственное, что выдавало ее волнение, – в лице у нее не дрогнул ни один мускул. Она посидела немного, раздумывая о чем-

то, потом протянула руку и взяла рюмку со стола. Лямзин быстро отодвинул от нее початую бутылку водки, видимо откупоренную кем-то ранее.

– Мне вы нужны трезвой.

Валерия вздохнула.

– А, черт с вами, – махнула она рукой. – Но курить-то я имею право?

– Если никто не против, то почему бы нет. Мне это не мешает.

Она кивнула и, затянувшись, задумалась, глядя в стену. Потом подняла голову и пожала плечами.

– Да, собственно, и рассказывать-то нечего. Первый курс института, влюбились, поженились, прожили полгода и разошлись. Ерунда. Детская блажь.

– Ну что ты, Лерочка, разве из-за блажи ненавидят? – ележно улыбнулся Филипп.

– Неправда, я любила тебя. Тот, кто любит, не может ненавидеть.

– Еще как может. И именно поэтому ты ушла тогда, когда была более всего мне нужна.

– Ты мог меня удержать.

– Уговаривать – значит насиловать. Я не мог обречь на проблемы и лишения ту, кого любил. Но ты могла бы остаться сама. И я очень хотел, чтобы ты осталась! Я надеялся и верил, что ты тоже любишь меня.

– Нет, – застонала она, закрывая уши руками. – Ты все врешь, я ничего не хочу слышать.

Лицо ее исказила гримаса боли.

Лямзин обеспокоенно посмотрел на нее и, налив минералки, придвинул к ней стакан.

– Валерия, успокойтесь. Вот, выпейте воды.

– Не надо, – она отодвинула от себя стакан. – Хорошо, раз уж так получилось, я расскажу... и давайте покончим с этим. Мы поженились совсем молодыми по большой любви и, как уже было сказано, прожили чуть больше полугода. Причиной разрыва послужила измена моего бывшего мужа.

– Я не изменял тебе, – с нажимом сказал Филипп, но она никак не отреагировала на его реплику, продолжая говорить все тем же равнодушно-холодным тоном:

– После того как мы расстались, мне казалось, что исчезнем из жизни друг друга навсегда – мир не слишком велик, но в нем вполне можно затеряться. Долгое время нам это удавалось. Признаться, порой я даже думала, что мое замужество – это просто давний полузабытый сон. И вдруг Лидия сообщает, что выходит замуж. На ее свадьбе я узнала, что друг Артура и партнер по бизнесу – мой бывший муж Филипп. Но никому не сказала об этом. Да, мы оба предпочитали делать вид, что не знаем друга друга, даже Лидия не подозревала о том, что между мной и Филиппом что-то когда-то было.

– Артур, а сколько лет вы были женаты?

– Семь.

– Значит, семь лет назад вы, Валерия, встретили своего бывшего мужа Филиппа на свадьбе сестры, и чувства вспыхнули вновь.

– Глупости, все давно прошло.

– Хорошо, допустим. Насколько вы были близки с Лидией?

– Достаточно.

– Вы любили сестру?

– Разумеется. После смерти отца я считала своим долгом заботиться о ней. Это была его последняя воля.

– Когда умер ваш батюшка?

Валерия помолчала, потом холодно ответила:

– Девять лет назад, больше чем за два года до свадьбы Лидии. Это была автомобильная авария, погибли он и его жена. Обещание не разлучаться отец взял с нас обеих еще раньше. Он тогда был тяжело болен и думал, что умирает. Я ему обещала.

– А до смерти отца вы часто виделись с Лидией?

– Нет. У нас большая разница в возрасте, я не воспринимала ее как сестру. Мне сперва трудно было смириться с тем, что отец бросил мою мать, женившись на женщине много моложе себя.

– Давайте уточним: до смерти отца вы практически не виделись с сестрой, а после стали жить вместе. Я правильно понял?

– Да.

– И тогда же у вас появились родственные чувства?

– Естественно.

– Но родственные отношения не всегда предполагают дружбу. Вы были дружны?

– Да какое это имеет значение, в конце концов! – взорвалась Валерия.

– Отвечайте на поставленный вопрос! – повысил голос и Лямзин, а потом чуть спокойнее добавил: – Решать, что имеет значение, а что – нет, здесь буду я.

– Отец хотел, чтобы мы сблизилась, и все время предпринимал попытки подружить нас. Но разница в возрасте и отсутствие общих интересов сводили все его старания к нулю. Только позже, когда мы стали жить вместе, я сумела разглядеть в ней то, чего не видела раньше, – интересную личность. И лишь тогда я стала ее воспринимать как взрослую, равную себе, а не ребенка, которого надо воспитывать. И все равно я не понимаю, зачем вы об этом спрашиваете.

– Филипп, вы что-то хотели добавить? – повернулся Лямзин к Котову.

– Да. Хочу уточнить: я всегда был честен с Валерией. Всегда.

– Чушь, – она саркастически усмехнулась.

– Да, у меня были проблемы, я тогда влез в ужасные долги. Мне нужна была поддержка, Валерия же отказалась понять меня. Когда не получаешь помощи от близкого человека – это больно, когда не получаешь ни от кого – беспросветно. К счастью, мне повезло, меня вытащили буквально из петли. А ты, дорогая, в тот момент, брезгливо поджав губы, катила к своей маме.

Валерия вспыхнула, глаза ее болезненно заблестели, и она нервно подалась вперед, собираясь что-то сказать.

– Кстати, забыл спросить, – предупредил ее вспышку Лямзин, – Валерия, вы заверили меня, что никому не рассказывали о своем браке с Филиппом, даже Лидии. Но откуда же об этом стало известно Аманде?

– Это вопрос не ко мне.

– Филипп? Аманда? – Лямзин выжидающе посмотрел на них.

– Ну... – Аманда слегка замялась, – он сам мне сказал...

– Филипп?

– Да чего тут непонятного, подполковник, – не выдержала Валерия, – сказать это он мог только в постели и будучи не совсем трезв. Так и запишите: мой бывший муж всегда был неразборчив в связях.

– Что?!! – взревел Макс, поворачиваясь к Аманде. – Ты мне изменяла?!

Лямзин не успел перехватить его руку, так быстро он отвесил оплеуху Аманде. Она схватилась за щеку, и из глаз ее брызнули слезы.

– Прошу без рукоприкладства, – заорал Лямзин, – что вы позволяете себе, Максимилиан! Глаза Макса бешено вращались, ноздри раздувались, как у породистого скакуна.

– Это было до тебя! Мы даже еще не были знакомы с тобой! – выкрикнула Аманда и стремглав выскочила из гостиной.

– Я бы на вашем месте извинился и вернул девушку, – посоветовал Макс Лямзину.

– Сама придет, – неохотно ответил тот, но все-таки вышел. Вернулся он почти сразу, буркнув, что ее нигде не видно, а на дворе опять начался дождь.

Лямзин кивнул, но про себя отметил, что он или разучился понимать нынешнюю молодежь, или Макс вовсе не любит Аманду.

– Пожалуй, продолжим. Артур, у меня вопрос к вам. Кто мог желать смерти вашей жене?

Артур слегка наклонил голову, размышляя. Кончики его пальцев слегка дрожали, вокруг глаз залегли тени. Эдуард много повидал за свою жизнь смертей, и иногда люди так переживали, что едва не теряли рассудок. Но здесь не было сильного горя. Горечь, растерянность – да, но не отчаяние горячо любящего мужа. Он продолжал разглядывать его, отмечая в уме те детали, на которые раньше не обратил внимания. Высокий, худощавый, но через тонкую ткань белой сорочки угадываются отлично накачанные крепкие мышцы. Аристократически бледное нервное лицо, тонкие светло-пепельные волосы, длинные пальцы пианиста – и в противовес им, разрушая мягкий и поэтичный образ, – дерзкий взгляд стальных глаз. Еще Лямзин рассмотрел обручальное кольцо на безымянном пальце, которое, похоже, было немного велико его обладателю и держалось на суставе так, что могло в любой момент соскользнуть.

– Да никто. Лидия была абсолютно безобидным человеком, у нее не было врагов.

Глава 6

– Смотрите, что получается, – продолжил Лямзин, обращаясь к Артуру, – ваша жена зачем-то поднимается на второй этаж и открывает окно, несмотря на проливной дождь. Что она хотела? Зачем нужно было отворять окно?

– Так, может, она и поднялась для того, чтобы его закрыть? Вспомнила, что открывала его до грозы, и решила закрыть? – встряла Мара.

– Исключено. При таком ливне, если окно было довольно долго открыто, скопилось бы много воды. Однако следы влаги незначительны. Вот, смотрите.

Он прошел к окну, распахнул его, и в комнату ворвался прохладный ветер. Хлестнули струи дождя, и пламя в камине взвилось, подняв сноп искр, а подоконник и пол под ним сразу стали мокрыми.

– Это окно расположено на той же стороне дома, что и окно в комнате Лидии. Если оставить его так, не закрывая, скоро здесь все будет залито водой. – Он захлопнул раму и повернулся. – Из чего я делаю вывод: окно отворили незадолго до смерти Лидии. Пока мы не получим ответ на вопрос – зачем, мы не поймем, что же случилось.

– А вдруг Лидия вовсе и не открывала его? – сказала Эрика. – Может, это сделал убийца, если он, конечно, был?

– Нет, мне это кажется маловероятным. Как-то слишком громоздко все получается: зашел, открыл окно в дождь и столкнул затем девушку. Гораздо логичнее предположить, что окно уже было открыто и Лидия стояла рядом.

– А если наоборот?

– Наоборот – что? Лидия хотела кого-то убить?

– Да нет же. К примеру, в комнате уже кто-то был, вошла Лидия, и тогда тот человек толкнул ее, и она упала.

– Хорошо, допустим. Расскажите-ка мне по порядку, что происходило после того, как в доме погас свет.

В этот момент из двери, ведущей в сад, появилась насквозь промокшая Аманда. Русые волосы ее прилипли ко лбу, тушь потекла, а платье сбоку было выпачкано глиной. К каблукам туфель прилипли травинки и сбитые ветром листья.

– О, а вот и Аманда! Мы даже соскучиться не успели, – саркастически воскликнула Валерия.

– Идите к черту, – буркнула на ходу Аманда, направляясь к ванной. Она включила свет и плотно закрыла за собой дверь.

Отсутствовала она недолго, минут семь-восемь, и вскоре появилась умытая, с расчесанными на пробор чистыми волосами и по-домашнему облаченная в банный халат и шлепанцы. Лямзин удивленно посмотрел на нее:

– У вас здесь есть своя одежда?

– Это Лидии. Но она мне всегда позволяла ее брать. И потом, не оставаться же в грязном платье!

– Конечно.

– И не надо на меня так смотреть, – вспыхнула вдруг Аманда, поймав мимолетный взгляд Эрики. – Уж если мне кто и кажется подозрительным, так это вы! Взясась невесть откуда и отирается вокруг Артура. Так и крутится, так и крутится – Артур то, Артур се! Хитрая лиса! – И она одарила Эрику ненавидящим взглядом.

Та от неожиданности покраснела и не нашла что сказать. Валерия же саркастически рассмеялась и язвительно произнесла:

– Судя по вашему поведению и намекам, что именно Эрика и есть преступница, у вас, милочка, был свой мотив. А не вы ли извели соперницу? Такая вся белая и пушистая Аманда, в вещах недавно почившей хозяйки. Торопитесь ее место занять?

– На что вы намекаете? Что я крутила шуры-муры с Артуром?! Да вы вообще не в своем уме!

– Почему же – намекаю, я прямо говорю. От вас чего угодно можно ожидать.

– Тихо! – гаркнул Лямзин. – Мы еще с предыдущей любовной историей не разобрались, давайте по порядку. Артур, а вы знали о том, что у вашей жены был роман с вашим партнером?

– Я бы хотел уточнить... – напрягся Филипп.

– Подождите, я желаю сначала услышать ответ мужа. Итак, Артур?

– Нет. Сегодня впервые услышал.

– Я же говорил, это не было романом! – Филипп вскочил и недобро посмотрел на Валерию, справедливо считая ее источником всех своих неприятностей. – Я могу объяснить. Когда-то, едва Артур только начал встречаться с Лидией, он нас познакомил. Признаться, она не произвела на меня особого впечатления: маленькая худенькая блондиночка, беспрестанно смеявшаяся так, что обнажались мелкие зубки. Потом она как-то примелькалась, и я к ней привык. Даже стал находить ее симпатичной. А сближение произошло, когда Артур и Лидия поссорились. Артур мне сказал, что все кончено, и укатил по делам в Прагу.

– Вы подтверждаете, что у вас с женой тогда была размолвка? – спросил Лямзин.

Артур задумался, потом утвердительно кивнул:

– Да. Примерно через три месяца после знакомства у нас случился разрыв. Мы поссорились из-за какой-то мелочи, уже и не припомню, из-за чего.

– Я все-таки продолжу, – нетерпеливо перебил Филипп. – Должен же я оправдаться. Когда Артур уехал в Прагу, Лидия оборвала мой телефон. Рыдала, стонала в трубку, просила срочно приехать. Жаловалась на Артура, на судьбу, еще черт знает на что. Спрашивала, не в курсе ли я, почему Артур так поступил. А что я мог сказать? Я ничего не знал, кроме того, что любую попытку поговорить Артур прерывал на корню. В какой-то момент мне стало Лидию жалко. Действительно, она осталась одна, без возможности объясниться или оправдаться. Даже преступникам дают право на последнее слово. Ну я и пригласил ее в ресторан, хотел отвлечь от мрачных мыслей. Сидели, разговаривали. Она плакалась мне в жилетку, я успокаивал ее, успокаивал...

Валерия иронично ухмыльнулась:

– Утешитель нашелся.

– Да! Я не могу оставить человека в беде! И близости у нас не было, если не считать пары братских поцелуев.

– Не врите, – возразила Валерия.

– Да вам-то откуда знать?! – взорвался Филипп.

– Лидия мне сама рассказывала.

– Ну не могла, не могла она вам такого сказать! Потому что ничего не было!

Лямзин с интересом следил за разворачивающейся сценой. Щеки Валерии покраснели, глаза возбужденно горели, и вся она была похожа на плотно сжатую пружину. Тронь – взорвется. Михаил, в отличие от Лямзина, смотрел на Валерию не с интересом, а с искренним изумлением. Похоже, ему никогда раньше не приходилось видеть ее в таком состоянии, и он искренне считал, что холодная Валерия и буря эмоций – понятия несовместимые.

– Вы лгун, Филипп! Низкий и грязный обманщик, не брезгающий ничем! – закричала она.

Филипп вдруг встал и пошел прямо на Валерию. Все затихли, а Лямзин напрягся, готовый броситься на помощь, если ситуация выйдет из-под контроля.

Но Филипп просто присел перед ней на корточки и тихо сказал:

– Смотри мне в глаза.

Голос его прозвучал властно и твердо, и Валерия нехотя подчинилась.

– Помнишь, ты когда-то говорила: «Я всегда вижу, когда человек лжет». Смотри сейчас на меня внимательно. – И он, разделяя каждое слово паузой, произнес медленно и с расстановкой: – Я. С тобой. Всегда. Был. Честен.

В ее широко открытых глазах мгновенно промелькнула гамма эмоций. От недоверия и скепсиса к осознанию правды, а затем к отчаянию, переходящему в боль. Лицо ее исказилось, и она зарыдала.

– Не может быть... За что она со мной так?.. – прошептала Валерия.

Все сидели молча, боясь пошевелиться, и только Мара, которая все это время словно спала, встрепенулась и сказала:

– Я ничего не поняла. Кто кому лгал? Или все друг другу врал?

Валерия подняла на нее тяжелый взгляд.

– Дайте мне кто-нибудь воды, – хрипло сказала она.

Мара поспешно вскочила и, налив сладкой газировки, поднесла ее Валерии.

– Боже, какая гадость, уберите!

Валерия с отвращением оттолкнула стакан, и на светло-зеленой блузке Мары расплзлось оранжевое пятно.

– Что вы делаете! Какого черта на меня злитесь-то? Между прочим, я Лидию не трогала, а вот ваш друг, или кем он там вам приходится, вышел на кухню за водкой, а пришел через целых семь минут. Тогда как кухня в двух шагах! Где можно было пропадать столько времени? Да два раза хватило бы по лестнице вверх-вниз сбегать и Лидию из окна выпихнуть!

Мара нервным жестом промокала на блузке пятно. Михаил тяжело задышал.

– Вот не надо в мою сторону инсинуаций! – грозно сказал он. – Я водку в холодильник отнес и в туалет пошел – живот скрутило. Это что, преступление, да? И какие у меня могут быть мотивы – я в этот дом недавно попал!

– У нас тут у всех нет никаких мотивов, и все невиновны, – парировала Мара.

– Да я Лидию видел всего пару раз в жизни, что вы мелете чепуху? Или вы намеренно клеветеете на меня? – Он вдруг замер с раскрытым ртом и не моргая уставился на Мару. – Я вспомнил! Я видел, как уходила из гостиной Лидия! И вы, именно вы, вышли за ней следом!

И его толстый сарделькообразный палец уткнулся в Марину грудь.

Глава 7

Александр казалось, что прошла целая вечность. Наврала с три короба, прикинулась бездомной, и вот теперь сиди, жди неизвестно чего. Приключений, видишь ли, ей хотелось.

Она тяжело вздохнула.

И ведь уехать нельзя! Платье перемазано, на щеке ссадина, коленка разбита – шикарный вид.

Александра с раздражением выключила надоевшую музыку, достала из упаковки последнюю влажную салфетку и попыталась стереть грязь с платья, но только еще больше испортила его. Пятно расплылось и приобрело вид кляксы, предлагаемой психологами для диагностики личности пациентов.

– Ну и черт с ним, – досадливо поморщилась она, вышвыривая салфетку в окно, где та незамедлительно повисла на кусте выющихся роз. Пришлось вылезти из машины и снять неопрятный кусок бумаги с шипов.

– Ну вот когда он придет? – спросила Александра у вышедшей из-за забора кошки. – Милиция и «Скорая» давным-давно укатили, а его все нет! И ведь сказал, что скоро будет.

Она поежилась от холода и обхватила себя руками, чтобы хоть чуть-чуть согреться, но теплее ей не стало. Однако в машину садиться не хотелось настолько, что Александра даже согласна была немного померзнуть.

– А может, он вообще забыл обо мне? – задумалась она. – Да-да, он просто забыл обо мне и решил там переночевать!

Брови ее сурово сдвинулись, она решительно захлопнула дверцу машины и направилась к дому.

Дождь как раз стих, сквозь прорези туч выглянула луна, осветив сад призрачным светом. Александра дошла до развилки и остановилась, решая, в какую сторону лучше пойти. Ей показалось, что правая тропинка должна привести к дому быстрее, и девушка пошла по ней.

Поворот. Еще поворот. Куст сирени, крыльцо.

«Надо же, вроде бы тропка короткая, а так извилисто закручена, что вдвое длиннее кажется».

Она остановилась и посмотрела на приоткрытую входную дверь. Кнопка звонка манила вдавить ее, но Александра не торопилась. Она прошла к окну, уцепилась за карниз и, поставив ногу на выступ фундамента, заглянула в комнату.

Там кричала женщина. Внезапно она перешла на визг, что казалось невероятным для ее хриплого контральто. Какой-то мужчина пытался перекрыть ее, но это ему удавалось плохо. И тут Лямзин, который стоял вполборота к окну, громко крикнул:

– Тихо!

Все умолкли, но только на пару секунд, не больше, потому что уже на третьей слышались громкие всхлипывания и вслед за этим торопливый речитатив. Женщина, желая непременно успеть высказаться, проглатывала концы слов и даже фраз. Что она говорит, понять было сложно. Похоже, ей хотелось, чтобы все приняли именно ее точку зрения.

Бывают такие скандальные особы, которые могут ругаться и кричать до потери сознания, а стоит на них цыкнуть, как они тут же пускаются в слезы и давят на жалость. Спорить с ними бесполезно, прежде всего потому что они слышат только себя. Ругаться – тоже: такая особь сначала опустит оппонента на свой уровень, а вслед за этим раздерет в клочья. Играет-то на своем поле!

Спрыгнув и неловко приземлившись, Александра пискнула, потеряла щиколотку и похромала по каменной отмостке, придерживаясь рукой за стену дома.

Надо сказать, что в детстве Александра была страшной сорокой, ее привлекало все яркое и блестящее, и дома у нее долго хранилась коробочка с детскими сокровищами – стекляшками, подобранными во дворе, и купленными в магазине безделушками. Хотя с возрастом это практически прошло, иногда все же давало о себе знать. Увидев, как в траве что-то блеснуло, она машинально наклонилась и подняла симпатичный синий флакон. Явно ручной работы, с изящной серебряной пробкой, он не только сам по себе представлял произведение искусства, но еще и очень приятно пах. Александра повертела его в руках и сунула в карман просторной юбки, решив позже определиться, как с ним поступить.

Входная дверь была не заперта, но, как воспитанный человек, Александра честно нажала на кнопку звонка. Подождав пару минут, нажала еще раз и прислушалась. Никакого ответа.

– Похоже, звонок не работает, – пробормотала она и, немного подумав, вошла.

Темную прихожую освещал только свет луны, падавший через высокие окна, да узкая полоска света, выбивавшаяся сквозь щель в двери гостиной. Александра тихонько прошла вперед, приотворила дверь и осторожно заглянула в комнату. Лямзину, похоже, сейчас было не до нее.

– Да, давайте. Давайте! Повесьте теперь на меня всех собак!

– Успокойтесь, Мара, никто вас ни в чем не обвиняет, мы просто пытаемся восстановить события вечера.

– Как это – не обвиняет?! Именно что обвиняет! Это он убил Лидию, а теперь пытается на меня все свалить!

Она подскочила к Михаилу и попыталась вцепиться ему в лицо короткопалыми руками.

– Уберите от меня эту сумасшедшую! – отшатнулся от нее Михаил, прикрываясь локтем.

Лямзин резко отстранил Мару и, перехватив ее поперек талии, швырнул на диван.

– Сидеть! – гаркнул он. – Что вы себе позволяете? Устроили тут, понимаешь, балаган! Еще одно движение или звук, и я вас отправлю в каталажку! Сядете на пятнадцать суток за хулиганство.

Мара опять зарыдала.

В этот момент порыв ветра захлопнул за спиной Александры дверь, и все дружно повернулись в ее сторону.

– Ой, – смутилась она. – У вас звонок не работает. Я нажимала на кнопку несколько раз. Честно.

– Ах, да. Это я его отключила. Надоел, – сказала Валерия. – Пожалуй, уже можно снова включить.

Она быстрым шагом прошла в прихожую, едва не задев Александру локтем.

– Я, похоже, не вовремя... Но в машине холодно, я замерзла, – чувствуя себя крайне неловко, пробормотала Александра.

Лямзин спохватился и покраснел.

– О, боже, я совсем забыл. Разрешите представить, это моя... э-э-э... сестра. То есть подруга... подруга сестры.

– Да ладно вам, – хмыкнула Александра. – Какая такая подруга-сестра?! Пять минут знакомы.

– Она шутит, – широко улыбнулся Лямзин и, крепко ухватив Александру за локоть, потащил в дальний угол. – Заткнитесь и молчите, – сквозь зубы процедил он, – а не то всем расскажу вашу трогательную историю про бездомную.

– Оставьте в покое мою руку, вы мне все кости переломали, – прошипела она. – Обещаю молчать. Так уж и быть.

– Вот и ладненько. Сидите спокойно и не мешайте дяде. Будете хорошо себя вести – скоро поедем.

Он, держа ее за предплечье, подвел к присутствующим.

– Это Александра, подруга моей сестры. Гм... гм... – откашлялся он, прочищая горло. Лямзин-то думал, что уже давно научился сносно врать, и то, что сейчас голос предательски сел, обескуражило его. – Ну, и моя – тоже. Так получилось, что нам пришлось прервать совместный отдых и отправиться на вызов. В целях экономии времени мы приехали вместе. Я рассчитывал быстро вернуться и потому оставил Александру одну в машине.

– Ой, да ладно уж, не оправдывайтесь. А девушке вашей я сочувствую, да. Экий вы грубиян – оставить даму мерзнуть. – Валерия уже вернулась и внимательно рассматривала Александру. – Похоже, вам хорошо удалось отдохнуть?

Она кивком указала на испачканное платье.

– Да, было весело. – Александра смиренно сложила руки на талии и грустно вздохнула.

– Артур, Валерия, не будете возражать, если девушка немного погрееется у камина? – спросил Лямзин.

– Конечно, нет. Александра, располагайтесь.

Артур жестом предложил ей сесть в кресло, но она отрицательно мотнула головой.

– Спасибо, я пока постою, – Александра оперлась локтями на каминную полку. – Дело в том, что я вся замерзла, и лучше мне равномерно прогреться.

– У девушки хорошо с логикой, – хмыкнул Филипп. – Смотрите, не сгорите. А то от вас уже пар идет.

– Сохну, – пожал плечами Александра, но в сторону от огня отошла.

Лямзин вдруг почувствовал себя жутко уставшим. Захотелось поскорее все закончить и уехать домой. Спать. Он подошел к окну, закрыл глаза и постарался собраться с мыслями, потом повернулся к Михаилу и спросил:

– Давайте исключим все обвинения в принципе. Расскажите, что было после того, как вы вышли на кухню...

– Да рассказывал я уже! – вспыхнул Михаил. – Пошел за водкой, из холодильника ее достать, по дороге живот прихватило. Зашел в туалет и потому задержался. Чего криминального-то? Заодно и дверь курьеру из пиццерии открыл!

– У нас туалет сразу рядом с кухней, – пояснил Артур. – Действительно, по пути.

– Да. Потом взял бутылку и вернулся в гостиную.

– Вот! Вот видите! Он ушел, когда еще в доме было темно, и отсутствовал некоторое время, пока не дали свет! О чем это говорит? – заорала Мара.

– О чем? – тоскливо спросил Михаил и пошарил по карманам.

Хотелось курить, а сигареты он где-то выронил или оставил. Он с тоской оглянулся на каминную полку, где лежали сигары, словно раздумывая, прилично ли будет сейчас закурить.

Артур понимающе кивнул:

– Берите сигару, Михаил. Я же вижу, как сильно вам курить хочется.

– Да неловко мне. Вроде бы не ко времени сейчас.

Он достал таблетку какого-то лекарства и повертел ее в руках.

– Если есть желание – надо закурить. Не стесняйтесь, – настаивал Артур.

– Хорошо. Сейчас покурю и все расскажу. Вот только перед этим лекарство выпью.

Лямзин безнадежно махнул рукой, – это, вероятно, означало «делайте, что хотите». Михаил кинул в рот таблетку, прошел к камину и взял в руки шкатулку. Достал сигару, с наслаждением понюхал ее и только хотел отрезать кончик изящными старинными ножничками, как спохватился.

– Может, еще кто будет? – с надеждой спросил он, глядя на Макса. Тот покачал головой. – А что так?

– Не курю, бросил. Сейчас модно, знаете ли, вести здоровый образ жизни.

– Знаю. Но курю.

Он аккуратно обрезал конец сигары, склонившись к камину, зажег лучину и прикурил от нее.

– У вас все продумано, Артур! Восхищаюсь вами, вы – истинный ценитель. Тут ведь как – от запаха спички с серой вкус дорогой сигары может пострадать. Зажигалка же для этих целей и вовсе моветон.

Вдруг его взгляд остекленел, а лицо сильно побледнело. Из руки выпала дымящаяся сигара, и он начал медленно оседать на пол. Прежде чем упасть, успел рвануть ворот рубашки, пытаясь справиться с удушьем, и повалился лицом вниз.

Сначала все оцепенели от неожиданности, и вдруг Мара истерически заорала:

– Да сделайте же что-нибудь, он умирает!

– Не прикасаться! – крикнул Лямзин, широко расставляя руки.

– Позвольте, но я врач, – сказал Артур.

Лямзин поднял на него тяжелый взгляд.

– Держитесь подальше, мой вам совет. А Михаилу уже ничем не поможешь.

Глава 8

Затылок болел так, будто под него подложили бревно, а руки онемели и были словно чужие.

– Как вы себя чувствуете?

Мара открыла глаза, попыталась что-то сказать, но только беззвучно зевнула.

– Ясно. Сестра, ставьте укол.

Руку стянул жгут, и игла впиалась в вену. Вместо сердца вдруг образовалась саднящая рана.

– Больно, – еле слышно прошептала Мара.

– Это хорошо, значит, жива. И будешь жить долго. – Молодой симпатичный врач складывал инструменты.

Она попыталась улыбнуться в ответ. Получилось вымученно и криво.

– В больницу поедем?

– Нет.

– Ну и зря. Это мое мнение. Лекарства какие-нибудь принимаете?

Она кивнула.

– Мне транквилизаторы выписывали.

– Почему?

– После смерти родных спать не могла и все время плакала. Сейчас уже легче, только на ночь иногда принимаю их, если долго заснуть не могу.

– Когда можно будет задать ей несколько вопросов, доктор? – Между бровей у Лямзина пролегла глубокая складка.

– Дайте ей сначала в себя прийти. Во-о-от, уже и щеки порозовели. Точно не поедете в больницу? Может, передумаете?

Мара отрицательно затрясла головой.

– Вот здесь тогда подпишите, – врач протянул ей бланк отказа и ручку.

Мара расписалась, но напряжение не оставляло ее до тех пор, пока за бригадой «Скорой помощи» не закрылась дверь. Тогда она осторожно встала и прошла к столу. Налила стакан воды и залпом выпила.

– Долго еще? – жалобно спросила она.

– Ждать? Эдуард Петрович сказал, не меньше часа. Уже полтора прошло. Наверное, скоро. – Валерия поправила скатерть на столе и прошла к маленькому журнальному столику, стоявшему у противоположной стены гостиной. Там, под светом торшера с зеленым абажуром, сидели и о чем-то тихо разговаривали Аманда и Эрика. Мужчины расположились поодаль.

– А, ну хорошо, – кивнула Мара.

Она поискала глазами, куда бы сесть, наткнулась на взгляд Филиппа и шарахнулась от него, как мышь от кота. Он недоуменно пожал плечами.

– Чай будете, Мара? – спросила Валерия.

– Да.

– Александра, а вам налить?

Та неохотно оторвалась от созерцания японской гравюры, изображающей бегущих под дождем людей. Мост был желтый, и скрыться от струй люди пытались под чем-то тоже желтым – зонтиками, шляпами. Это были единственные светлые пятна, все остальное тонуло в сером мареве дождя.

– Да, пожалуйста. А кто у вас увлекается японской живописью?

– Артур. Ему нравится японское искусство, говорит, оно умиротворяет. Это Утагава Хиросиге, «Мост Охаши во время дождя».

– А мне этот мост напомнил радугу. Такая волшебная дуга, пробежавшись по которой обязательно попадешь в сказку. Или получишь исполнение желаний. Хотя это, по-моему, одно и то же, – сказала Александра.

Валерия пожала плечами:

– Ну это кому как. Некоторые ничего путного за всю жизнь не пожелают, только и забот, как бы у кого другого ничего хорошего не произошло. А этих бегущих человечков, боюсь, уже ничто не спасет. Им суждено промокнуть.

Она налила чай в небольшие чашки и придвинула одну из них Александре:

– Берите сахар. Остап! Присаживайтесь поближе, пейте чай. На вас лица нет. Устали?

– Да. Н-нет, – он запнулся и покраснел. – Наверное.

– Нельзя быть таким неуверенным в себе, Остап, – покачала головой Валерия. – Даже устали или нет – и то не знаете. Разве можно так жить?

– Наверное, нет. – Он обхватил чашку обеими ладонями так, будто у него замерзли руки, и загрузил. – Но у меня пока иначе не получается.

– А вы знаете, – тихо сказала Аманда, склоняясь к Эрике, – что в религии вуду сигарокурение – средство общения с богами? А густой сигарный дым используется не только чтобы привлечь лоя – богов, но и для того, чтоб увеличить силу их влияния в нашем мире. Кстати, Барон Самеди даже изображается с сигарой в руке. И это не случайно, ведь он – сама смерть, а смерть имеет право на сигару.

– А кто это – барон Самеди? – спросила Эрика, протянув руку и взяв из вазы печенье.

– Как, вы не знаете? – изумилась Аманда. – Вы, человек искусства! Нет, не поверю, вы, наверное, шутите.

– Истинная правда. Впервые слышу.

– Ладно, я расскажу. В религии Вуду, которой я увлекалась в старших классах, Барон Самеди, или по-русски – Барон Суббота, – это Хозяин Кладбища. Михаил умер, закурив сигару, так? А перед этим он все время носился с водкой, еды принес... Помните? Так вот, человек, в которого вселяется Барон Самеди, проявляет невоздержанность в выпивке, пище и курении.

– Аманда, я думала, у вас голова пустая, но, как выясняется, случай еще более запущенный: она забита черт знает чем. У вас там микс. Каша, – с укоризной сказала Валерия.

– Если вам неинтересно, не слушайте. Получается, что в Михаила уже вселился Барон, потому он себя так и вел, – продолжала Аманда. – А значит, ему пришел срок, и он бы умер все равно от чего. Причина могла быть любая. К примеру, он мог поперхнуться куском пиццы.

– То есть это ваш Барон Самеди убил Михаила?

– Ой, ну какая же вы непонятливая, Валерия, – горестно вздохнула Аманда. – На самом деле он добрый, он всегда пытается спасти человека, а не убить.

– Мне кажется, вы сами запутались.

– И вовсе нет! Если Барон Самеди отказывается рыть могилу – человек остается жить. Вот так. И еще он очень, ну просто очень любит детей! И каждый раз бросается рьяно защищать их, когда дети при смерти. Потому, когда ребенок сильно болен, родители обращаются к Барону с молитвой о спасении.

– С молитвой? К нечисти?!

– Тш, тихо, он услышит! – Аманда приложила палец к губам и округлила испуганные глаза. – Того, кто его оскорбит, может поразить очень сильный и точный удар, лишаящий разума! И потом, он не нечисть, он – лоя, то есть божество. А божество нельзя оскорблять, даже если вы и не верите в него. А ходит он всегда в черном фраке и черном цилиндре, в одежде похоронных дел мастера...

– Ой, что-то мне нехорошо уже, – пробормотала Эрика. – Подумалось вдруг, что сегодня именно суббота. Точнее, была, ведь уже наступило воскресенье, – взглянув на часы, добавила она.

– Да, а еще первую могилу на новом кладбище всегда посвящают ему... – продолжала Аманда.

– Ну все, хватит, – возмутилась Валерия, – прекратите болтать чепуху! Слушать противно.

– Я вас прощаю, – кротко произнесла Аманда. – Все-таки умерла ваша сестра, погиб ваш друг, и у вас должно быть сильное эмоциональное потрясение. Из чего я делаю вывод: вы грубите мне, находясь в состоянии шока.

– Вы бываете несносны. – Валерия достала тонкую длинную сигарету.

Она неспешно зажгла спичку, посмотрела внимательно на огонь, следя за всполохами желто-алого пламени, и потом так же неспешно прикурила. Потянулся мятный дымок.

– Фу, Валерия, как можно курить эту дрянь! – Аманда демонстративно покашляла и зажала пальцами нос.

– Ну почему же. Весьма приличные сигареты с ментолом. И потом, если мне не изменяет память, сигара Артура вас никогда не раздражала. С чего бы это, а? Симпатизируете ему? А может, влюблены?

– Глупости. Просто у вас мерзкие сигареты.

– Я же не рассказываю, как действует на мои нервы запах ваших духов. Кстати, у вас дурной вкус.

– И вовсе нет!

– Да. Чем душиться освежителем воздуха для туалета – а именно этот аромат мне ваши духи и напоминают, лучше бы просто использовали мыло. Запах чистой кожи гораздо приятнее, нежели вонь дешевого парфюма.

Аманда поперхнулась от злости, открыла было рот, чтобы как следует отбрюить Валерию, но вдруг передумала. Вместо этого она мило улыбнулась и повернулась к Эрике.

– А вы читали «Беседы с Богом» Уолша?

– Нет. А что там? – рассеянно спросила Эрика, думая о чем-то своем.

– Занятная трактовка реинкарнации, знаете ли. По его мнению, время существует только в человеческом сознании, а различные воплощения одного и того же человека могут происходить одновременно.

– Это как?

– Ну вот, к примеру, один мой знакомый, назовем его Алексей, вдруг начал испытывать страх смерти. Чего только не делал: и у психотерапевта лечился, и лекарства принимал, а все без толку. Он уже в отчаяние впал, но тут ему знакомые телефончик одного известного гипнотизера подкинули. Пришел Алексей к нему, сел в кресло, расслабился, а гипнотизер и говорит: «Я вас сейчас отправлю в ту точку вашего прежнего воплощения, в которой страх смерти возник». И начал его своими пассажами в гипноз вводить. Алексей не очень-то верил во все это, но даже не заметил, как заснул. И вот видит он, как идет по узкой улочке средневекового города, торопится домой, где его ждет жена и двое малолетних детей. И когда до жилища остается буквально несколько шагов, он падает замертво, сраженный ножом какого-то нищего бродяги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.